

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Г.А. Перковская, В.А. Шаповалов

Модернизация образования, несомненно, должна быть предусловием модернизации социально-экономических и политических основ российского общества. Как нам представляется, это находит все большее понимание во властных структурах, в образовательном сообществе, в самых разных слоях общества. Гораздо сложнее обстоит дело с представлениями о приоритетах в ходе модернизации образования. В нашем понимании, в ходе модернизации необходимо прежде всего осуществить меры позволяющие реализовать новое наполнение содержания образования. Это весьма не простая задача и особенно когда речь идет о содержании и традициях исторического образования. Меняется мир, в котором мы живем, меняемся мы сами. И порой заметны попытки посмотреть на историю страны с сегодняшних позиций не в смысле современного уровня развития научного исторического знания, а с учетом современной политической конъюнктуры. Это опасный и бесперспективный подход. В этой связи нам хочется надеяться, что представляемая статья будет полезной как для тех, кто определяет стандарты исторического образования в целом и содержание отдельных курсов истории, так и непосредственно преподавателям исторических дисциплин.

Ко времени основания первого российского университета в 1755 г. в стране происходил сложный процесс превращения исторических знаний в историческую

науку. Несмотря на то, что в Московском университете не было ни исторического факультета, ни исторических кафедр, он с первых лет своего существования включается в изучение истории и распространение исторических знаний.

По «Проекту» об учреждении Московского университета в нем была предусмотрена должность профессора истории на философском факультете («универсальной или российской, а так же древности и геральдики»). В течение первых лет существования университета ее занимали иностранные профессора. Когда были подготовлены собственные кадры, эту должность стали занимать русские ученые.

В XVIII в. систематического преподавания и изучения отечественной и всеобщей истории в университете не было. И тем не менее, из стен университета уже в первое десятилетие его деятельности вышли профессионально подготовленные историки (С.С. Башилов, Х.А. Чеботарев и др.) (1). Стать специалистами в этой области они смогли благодаря хорошей общей гуманитарной подготовке, которую давал университет.

В 1765-1766 гг. начали преподавать первые выпускники университета – профессора права С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков, математик и философ Д.С. Аничкин. Не занимаясь специально отечественной историей, они оказали на ее исследование непосредственное влияние. Ими были сформулированы теоретиче-

ские положения, развитые исторической мыслью России во второй половине XIX в. Особое значение для разработки русской истории имели те работы, в которых прослеживается стремление раскрыть законы исторического развития, причины возникновения социального неравенства, собственности, религии, семьи.

Таким образом, студенты университета не только познакомились с передовыми направлениями философской мысли, но и получали представление о применении теоретических знаний в конкретных исторических исследованиях. Такая подготовка открывала возможности для самостоятельных занятий историей, и уже в первые десятилетия существования университета его выпускники своими трудами способствовали развитию отечественной исторической науки.

В первой половине XIX в. интенсивное развитие исторической науки носило общеевропейский характер. В этом движении можно выделить несколько ведущих тенденций. Во-первых, сближение истории с философией, обострение интереса к вопросам исторической методологии, проблемам философии истории. Во-вторых, не менее интенсивное сближение истории с социальными исканиями. Социальность становится существенным признаком исторического мышления (2).

Деление открытых в 1804 г. Харьковского и Казанского университетов на факультеты соответствовало состоянию университетской науки того времени, и тому «что было принято в этом отношении в немецких университетах» (3). Предусматривалось четыре факультета: отделение нравственных и политических наук, отделение физических и математических наук, отделение врачебных или медицинских наук, отделение словесных наук.

В полном соответствии с традициями германских и английских университетов и средневековыми представлениями о всеобъемлющем свойстве философии как науки устав российских университетов 1804 г. включил историческое образование в общую систему философского. Историческое образование означало подготовку студентов в области политических

наук, изящных искусств и древностей, словесности и истории.

По университетскому уставу 1804 г. при словесном отделении существовало две собственно исторические кафедры – «всемирной истории, статистики и географии» и «истории, статистики и географии Российского государства». Таким образом, «преподавание истории было распределено между двумя кафедрами и соединено в каждой с преподаванием статистики и географии, как наук, расширяющих и подкрепляющих исторические знания студентов (4).

Преподаванию истории в российских университетах придавалось большое значение. Подчеркивалось, что цель его – «не только изучение самих происшествий», но, прежде всего, познание причин тех или иных деяний людей для того, чтобы сопоставляя «нынешнее состояние людей» с прошлым, направить «влияние их на благо общества». Итак, чтобы понимать события и судить о них, историк должен был сначала узнать «природу и свойства людей», в связи с чем ему предписывалось изучать «эмпирическую психологию, естественное и общественное право, международные отношения, государственное хозяйство, статистику и энциклопедию наук, чтобы найти главные точки, с коих он должен взирать на исторические происшествия. Сначала он должен заняться всемирною и частною историей государств, после чего уже пройти историю словесности, земледелия, промышленности». Он должен также был знать и вспомогательные исторические науки: «историческую словесность и критику (т.е. историографию), хронологию, историческую географию, генеалогию, дипломатику, нумизматику и геральдику» (5).

Многие профессора с самого начала стремились читать лекции по русской истории по собственным исследовательским наработкам. Концепции же курсов нередко заимствовались у крупнейших представителей науки. Некоторые преподаватели, не довольствуясь предметами, определенными Уставом 1804 г., читали специальные курсы, не предусмотренные этим ус-

тавом (педагогика, нумизматика и пр.). В частности, в Харьковском университете профессор Г.П. Успенский, автор «Опыта повествования о русских древностях», читал лекции по русским древностям (6). Его сочинение, являющееся систематическим очерком внутреннего быта допетровской России, долгое время оставалось единственным в своем роде вплоть до 1890 года, когда в свет вышел труд профессора В.И. Сергеевича «Русские юридические древности».

Следует отметить, что количество специальных исследований и монографий в области исторических наук в этот период было не столь значительным, по сравнению со второй половиной XIX в. Во многом это объяснялось тем, что деятельность профессоров в российских университетах в первую очередь была направлена на распространение научных сведений в общедоступной форме широкой публике.

Однако были определенные сложности в организации преподавания отечественной истории в российских университетах в первой четверти XIX в., связанные с недостатком специалистов в данной области. В Московском университете долгое время лекции по отечественной истории читал то профессор кафедры всемирной истории, статистики и географии Черепанов, то Каченовский, занявший в 1811 г. кафедру археологии и изящных искусств. И только в 1821 г. Каченовский возглавил кафедру истории, статистики и географии Российской империи, которую занимал до принятия нового университетского устава 1835 г. Именно М.Т. Каченовский способствовал выделению исторических знаний в самостоятельную дисциплину и заложил основы университетской исторической науки на фоне риторики и описательности, царивших в преподавании. Его критический подход к изучению истории постепенно завоевывал симпатии студенческой аудитории. Основные исторические труды Каченовского в виде отдельных статей и критических рецензий были опубликованы в журнале «Вестник Европы», который он сам возглавлял с 1805 по 1830 гг.

В своих работах и лекциях Т.М. Каченовский выступил с критикой исторической концепции Н.М. Карамзина, требуя относиться к истории как к науке, а не как к нравоучительному повествованию. При этом Каченовский подчеркивал необходимость проверки подлинности источников, в частности, летописных сведений, до этого считавшихся бесспорными фактами. Таким образом, уже в начале преподавания российской истории наметился историко-критический метод, положенный Каченовским в основу своей научной деятельности.

Т.М. Каченовский открыто заявлял о своем намерении опровергать мнения таких крупных авторитетов, как В.Н. Татищев, А.Х. Шлецер, Н.М. Карамзин и др., что, по его мнению, имело особое значение для университетской исторической науки, поскольку «продолжать сеять плевелы лжи перед юношеством, алчущим живительной пищи исторических знаний, было бы стыдно и грешно преподавателю». В этом смысле он впервые поставил вопрос об особой ответственности профессоров истории.

Однако, подчеркивая необходимость дальнейшего развития исторической науки и создания новой фундаментальной истории, М.Т. Каченовский только заложил основы критического направления в преподавании русской истории, и сформулировал общие постулаты «скептической школы». Сам ученый ограничился критическим анализом ряда источников без их комплексного изучения (7). Но следующие поколения историков в Московском университете стали активно применять «критический метод», позволяющий привлечь фольклорные, этнографические материалы, источники по социально-экономической истории и праву, и путем сравнительно-исторического сопоставления устанавливали степень достоверности сведений, содержащихся в источниках по истории Древней Руси.

В 1817 г. в «Вестнике Европы» Т.М. Каченовский опубликовал «Пробные листки из руководства к познанию истории древнего Российского государства», которые отразили замысел ученого

написать учебник по истории России для студентов университетов, однако он не был реализован. Заменой учебника для его слушателей должны были служить исторические статьи Каченовского, публикуемые в «Вестнике Европы» и записи лекций. Это и служило пособием при повторении и обзоре пройденного материала на так называемых «репетициях», устраиваемых Каченовским три раза в течение учебного года.

В университетском преподавании М.Т. Каченовский широко применял сравнительно-исторический метод научного знания. Он гордился тем, что «открыл способ излагать отечественную историю в гармоничной связи со всеобщей». Историю России он рассматривал как неотъемлемую часть всемирной истории и поэтому указывал на необходимость сравнительного изучения русской истории с историей других стран, как составляющих общеисторического процесса.

Но, выводя историю России из общеисторического процесса, Каченовский отрицал ее своеобразие и самобытность. Кроме того, он исходил из предвзятой идеи о постоянном культурном отставании России от Запада. Каченовский утверждал прямую зависимость внутреннего развития Древней Руси от западноевропейских и Византийских влияний, отрицая закономерность ее самостоятельного органического развития.

И тем не менее, говоря о большом влиянии М.Т. Каченовского на студентов в конце 20-х – начале 30-х годов, следует подчеркнуть, что он первый из профессоров российских университетов попытался познакомить своих слушателей с европейской исторической наукой. Критическое направление его трудов противостояло художественно-моралистической концепции Карамзина, и молодежь воспринимала его лекции как определенное свободомыслие (8).

Каченовский много внимания уделял индивидуальным занятиям со студентами. Знакомил с иностранной литературой, снабжал книгами, прививал навыки научной работы. Под его руководством

были написаны десятки студенческих сочинений по российской и всеобщей истории, географии, статистике и изящным искусствам, некоторые из которых представляли настоящие исследования.

В деле преподавания русской истории в Московском университете и в целом в развитии отечественной исторической науки, М.Т. Каченовский сыграл переходную роль – от описательности к научности. Он был первым университетским преподавателем истории, который выдвинул требование относиться к ней как к науке, а не как к художественному, описательному сочинению.

Каченовский был первым профессиональным историком в Московском университете. Он поставил вопрос о необходимости развития источниковедения в университетском преподавании. Обратил внимание на необходимость введения в учебную программу таких вспомогательных исторических дисциплин, как археология, дипломатика и других, внедрить которые предстояло последующим поколениям ученых. Он заложил основу дальнейшего развития исторической университетской науки, которое отразилось в лице его преемников по кафедре российской истории.

В Санкт-Петербургском университете принципиального разделения кафедры истории в ранний период его существования не произошло. Преобразование Главного педагогического института в Санкт-Петербургский университет в 1819 г. не ставило перед собой задачи коренной ломки уже сложившейся структуры этого учебного заведения. Были сохранены все три факультета института, а также функционировавшие при них кафедры. В том числе и кафедра истории, предметом которой была «история всеобщая и в особенности Российского государства» (9). Во главе ее стоял ординарный профессор Эрнст - Вениамин - Соломон Раупах, читавший курс всеобщей истории.

Собственно российскую историю читал профессор Трофим Осипович Рогов, используя учебник профессора Царскосельского лицея И.К. Кайданова, дополняя его сведениями из Карамзина. По

сведениям современников, он не знал ни одного европейского языка, у него отсутствовал «дар объяснения с кафедры», на самостоятельную разработку курса он способен не был (10). После его смерти в 1831 году чтение курса средневековой русской истории в университете было поручено Николаю Герасимовичу Устрялову. К этому времени он уже был несколько известен в научном мире переводом и публикацией со своими примечаниями сочинения о России начала XVII в. французского Якова Маржерета. Самостоятельная же кафедра русской истории в университете появилась несколько позже – в январе 1834 года, когда Н.Г. Устрялов был утвержден экстраординарным профессором по данной кафедре. Именно Устрялова считают основоположником петербургской школы русских историков (11).

Всеобщая история вошла в число предметов преподавания в российских университетах так же с 1804 года. Университетский устав предусматривал в словесном отделении наличие кафедры всеобщей истории, статистики и географии. В то время в университетах не читалось специальных курсов древневосточной, античной, средневековой и новой истории. Существовал единый курс всеобщей истории, который весь должен был читаться одним и тем же профессором. Последний либо излагал подряд все части курса, либо выбирал себе для чтения какой-нибудь один период, более ему знакомый, а с остальными просил своих слушателей ознакомиться самостоятельно, по каким-либо пособиям. Очевидно, что при такой постановке дела профессора всеобщей истории должны были быть специалистами очень широкого профиля, «...однако на практике тех, кто преподавал тогда всеобщую историю в русских университетах, менее всего можно было назвать специалистами» (17).

Из-за недостатка квалифицированных преподавателей первоначально кафедры всеобщей истории нередко замещались разными людьми: это были и иностранцы, переселившиеся в Россию по политическим или финансовым соображениям, и собственные, наспех подготов-

ленные преподаватели – «...всеобщие историки столь же неопределенного профиля, как и их иностранные коллеги, но еще менее знающие и образованные; и наконец, вовсе случайные люди – чиновники или литераторы, не имевшие ничего общего с наукой» (13).

Так же из-за нехватки профессоров и недостаточной дифференцированности исторической науки того времени, профессора всеобщей истории нередко читали лекции и по истории России. И наоборот, были случаи, когда кафедры всеобщей истории замещались людьми, предметом занятий которых являлась русская история. Зачастую лекции таких преподавателей оказывались поверхностными обзорами событий, лишенными научного содержания, или переложениями каких-нибудь общих трудов типа «Всемирной истории» А.-Л. Шлѳцера и популярных учебников того времени (например, профессора Царскосельского лицея И.К. Кайданова) (14).

В Московском университете кафедре всеобщей истории до 1823 г. номинально возглавлял профессор Н.Е. Черепанов, пребывание которого на кафедре не оставило практически никаких следов. По воспоминаниям слушателей, «он умерщвлял в нас (студентах) всякое умственное стремление к исторической любознательности, будучи сам воплощенной скукою и бездарностью» (15). Постепенно все большую роль в преподавании всеобщей истории стал играть Юлий Петрович Ульрихс, принадлежавший к числу тех немецких профессоров, которые навсегда осели в России. Благодаря своему трудолюбию и педагогическим способностям он постепенно становится одним из ведущих профессоров и избирается в 1832 г. деканом факультета, но в июле того же года подает в отставку.

Некоторое время лекции по всеобщей истории в Московском университете читали специалисты в области отечественной истории М.Т. Каченовский (1832-1833 гг.) и М.П. Погодин (1833-1839 гг.). Каченовский знакомил своих слушателей с новейшими критическими направлениями в западной историографии, в особен-

ности с трудами Нибура. Что касается Погодина, то он издал в 1835-36 гг. «Лекции по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира», являвшиеся переложением одной из книг геттингенского профессора А.-Г.-Л. Герена, труды которого с конца 20-х гг. стали важным источником учености русских профессоров.

В организации преподавания всеобщей истории и в Петербургском университете в 20-е – 30-е гг. также имелись определенные трудности. Первое время этот курс читал Э.-В.-С. Раупах, выходец из Германии, в лекциях которого было больше поэзии, чем науки. Кроме того, они читались на латинском языке, малопонятном для большинства студентов. Однако его удаление из университета в 1821 г. с другими либерально настроенными профессорами «...ввергло кафедру истории в состояние полного убожества...» (16).

Примерно так же обстояло дело с преподаванием всеобщей истории и в провинциальных университетах. И здесь большинство преподавателей не отличались оригинальностью, используя в качестве пособий труды Шлѳцера, Кайданова, позднее Герена. Профессора годами читали свои лекции по одним и тем же старым запискам, даже не пытаясь обновлять их за счет новой литературы; прямое обращение к источникам было вообще редкостью.

На этом фоне выделяется фигура Владимира Францовича Цыха, читавшего лекции по всеобщей истории с 1831 г. в Харьковском университете, а затем, с 1834 г., в Киевском университете св. Владимира. В своей магистерской диссертации «Рассуждения о способе преподавания истории» (1833 г.) он сформулировал основные принципы деятельности преподавателя истории, которые сам стремился осуществить на практике. Центральным пунктом исторической науки, по его мнению, является развитие нравственной природы человека, поэтому «истинный преподаватель истории в университете должен иметь гуманное настроение духа...».

Цых также читал свои лекции в основном по Герену. Но нередко дополнял их не только сведениями из других пособий, но и данными источников. Что свидетельствовало о стремлении профессора к самостоятельному изложению. Главной заслугой Цыха явилось то, что он знакомил своих слушателей с новейшими достижениями европейской науки – трудами и исследованиями Гер-дера, Герена, О. Тьери, Ф. Гизо. Его нешаблонные лекции пользовались большим успехом у студентов, хотя, по воспоминаниям современников, его беспристрастному и объективному изложению истории не хватало «ясности и живости исторического созерцания...» (17).

Изучение античной истории на словесном факультете сочеталось с изучением античной литературы. Состояние университетской филологической науки в ранний период было несколько лучше, чем исторической. Это объяснялось необходимостью наличия классического образования для занятия должности профессора. Непременное знание древних языков являлось барьером для дилетантов. Среди профессоров, замещавших кафедры греческой и латинской словесности в российских университетах в начале XIX века, были и крупные ученые, которые могли выдержать сравнение с европейскими коллегами.

Так, в Петербургском университете кафедру греческой словесности с самого начала занимал академик Ф.Б. Грефе. Крупными учеными была представлена классическая филология в Дерпте – К.-С. Моргенштерном, И.-В. Франке, Х.-Ф. Нейе. Харьковский университет мог гордиться именами блестящих латинистов – Х. Роммеля и И.Я. Кронеберга.

Будучи энтузиастами классической науки, Моргенштерн и Кронеберг не забывали пропагандировать ее и за пределами своих университетов. Учитывая интересы не только специалистов, но и любителей, они – одни из первых в России – предприняли издание специальных журналов, посвященных классическому искусству, литературе и философии.

Однако те немногие крупные классики, которые имелись тогда в русских университетах, не были, как правило, русскими учеными в собственном смысле слова: это были иностранцы, главным образом выходцы из Германии. Среди русских преподавателей они держались несколько особняком, от студентов их часто отгораживал языковой барьер, как правило, они читали лекции на латинском или своем родном языке. По этим или по каким-либо другим причинам, ни одному из них не удалось оставить после себя школы, учеников. С другой стороны, сами эти профессора, выпускники германских университетов, были по большей части представителями старшего поколения немецких филологов-классиков, которые и в лекциях, и в ученых занятиях главное внимание обращали на эстетическую, художественную сторону древней культуры, не касаясь, как правило, событий политического и социального характера. Их лекции были полны искреннего, глубокого преклонения перед бессмертной красотой античности, но в них чувствовался недостаток критики. Особенно это стало ощущаться к тому времени, когда и в России появились представители нового критического направления, зародившегося в Германии (работы Фридриха-Августа Вольфа, Б.-Г. Нибура и А. Бюкка) (18).

Неудовлетворительное положение с университетским преподаванием не только истории и словесности, но и некоторых других наук, особенно обнаружившееся к середине 20-х гг., заставило правительство принять ряд энергичных мер. В 1827 г. при Дерптском университете было решено создать Профессорский институт для подготовки специалистов, в которых нуждались российские университеты. Этой мерой правительство стремилось обеспечить подготовку национальных кадров для замены профессоров-иностранцев. По настоянию Николая I все направляемые в институт молодые люди должны были быть «непреренно природными русскими». Выбор Дерптского университета в качестве базы для института объяснялся наличием тесных связей с европейской, преимущественно немецкой наукой. Кро-

ме того, университет в Дерпте был лучше, чем другие российские университеты, укомплектован преподавателями, среди которых немало было выдающихся ученых.

В Дерпт направлялись лучшие выпускники или студенты старших курсов российских университетов. После двухлетнего обучения в профессорском институте, двух лет пребывания в различных европейских университетах и года подготовки на родине они должны были сдать экзамены, написать и защитить диссертацию, после чего могли занять профессорские вакансии в российских университетах.

В 30-е гг. начали преподавательскую деятельность молодые ученые, получившие свое образование за границей. Многие из них стали выдающимися учеными и талантливыми педагогами. Так, с вступлением на кафедру Михаила Семеновича Куторги, явившегося основоположником первой русской школы исследователей античности, связан перелом в преподавании всеобщей истории в Петербургском университете. Яркий след в жизни Харьковского университета оставила преподавательская деятельность Михаила Михайловича Лунина. Значительную роль в идейной жизни следующих десятилетий сыграл и Тимофей Николаевич Грановский, пришедший на кафедру всеобщей истории в Московском университете.

Итак, на ранних этапах деятельности российских университетов в соответствии с уставом 1804 года было осуществлено принципиальное разделение некогда общей кафедры «истории универсальной и российской, также древностей и геральдики» на кафедры истории, статистики и географии Российского государства и всемирной истории, статистики и географии. Дальнейшая их эволюция свелась к освобождению существующих исторических кафедр от дополняющих историческую науку географии и статистики. Что и было закреплено в уставе российских университетов 1835 г., конституировавшего «чистые» исторические кафедры – всеобщей истории и российской истории.

Недостаток квалифицированных преподавателей истории обусловил сложности в организации преподавания науки в российских университетах на первых порах их существования. Но трудолюбие, научная эрудиция, энтузиазм многих профессоров столичных и провинциальных университетов России способствовали развитию исторической науки в целом, становлению и совершенствованию процесса преподавания истории. Многие из них не принимали академическую сухость изложения курсов, характерную для многих западноевропейских профессоров-гуманитариев. Лучшая часть профессуры стояла на позиции сочетания в лекции научной основательности и мастерства изложения материала, что делало ее событием в жизни слушателей.

Отсутствие учебников в XIX в. обусловило в русских университетах чтение полных лекционных курсов, как по русской, так и по всеобщей истории. Точку зрения правительства о необходимости полного систематического преподавания учебных предметов гуманитарного цикла разделяла основная часть профессуры. Так чтение полных курсов по всеобщей, русской, церковной истории явилось особенностью университетского преподавания в России.

Таким образом, именно в рассматриваемый период были заложены основы формирования устойчивых традиций в деле университетского преподавания истории, обусловившие национальное своеобразие всей системы университетского исторического образования в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кислягина Л.Г. Изучение отечественной истории в Московском университете во второй половине XVIII в. // *Вестник Московского университета. «История»*. – 1984. – № 2. – С. 36.
2. Афонюшкина А.В. О правительственной политике в России в 20-е – 40-е гг. XIX в. в области университетского образования // *Российские университеты в XIX – нач. XX в.: Сборник статей*. – Воронеж, 1993. – С. 4.
3. Булич Н. Из первых лет Казанского университета: Рассказы по архивным документам. – СПб., 1904. – Ч. 1. – С. 8.

4. Чесноков В.И. Правительство и развитие структуры исторических кафедр и наук в университетах России // *Российские университеты в XIX – нач. XX веков: Сборник статей*. – Воронеж, 1993. – С. 20
5. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Кн.1. Зарождение системы университетского образования. – М., 1998. – С. 375.
6. Багалея Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). – Т. 1. – Харьков, 1893-1898. – С. 644.
7. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в. Кн. 2. Становление системы университетского образования. – М., 1998. – С. 64.
8. Там же. – С. 67.
9. Брачев В.С. Наша университетская школа русских историков и ее судьба. – СПб., 2001. – С. 12.
10. Там же.
11. Брачев В.С. Указ. соч. – С. 5.
12. Фролов Э.Д. Русская наука об античности. – СПб., 1999. – С. 144.
13. Там же.
14. Фролов Э.Д. Указ. соч. – С. 145.
15. Фролов Э.Д. Указ. соч. – С. 144.
16. Фролов Э.Д. Указ. соч. – С. 145.
17. Владимирский-Буданов М.Ф. История императорского университета св. Владимира. – Т. 1. – Киев, 1884. – С. 115.
18. Фролов Э.Д. Указ. соч. – С. 149.
19. Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // *Российские университеты в XIX – нач. XX в.: Сборник статей*. – Воронеж, 1996. – С. 14.

Об авторах

Перковская Галина Алексеевна, аспирантка Ставропольского государственного университета. Занимается исследованием становления исторического образования в классических университетах России.

Шаповалов Владимир Александрович, ректор Ставропольского государственного университета, доктор социологических наук, профессор. Сфера научных интересов – социологические, философские и исторические проблемы высшего образования; отечественная история. Научный редактор многих сборников, статей и других изданий. Автор более 60 научных и учебно-методических работ, в том числе монографий.